

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Мизгирь

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Мизгирь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22137137

Аннотация

«Осенью, когда от первого инея закисло лиственница, я с винтовкой отправился на кордон при горной речонке Шипишной, чтобы провести несколько дней на одной из лучших охот. Шипишинский кордон поставлен был на полустанке между заводом Галчинским и пристанью Уралкой, куда лето и зиму везли железо и медь. Движение кладей усиливалось зимой, и транспорты останавливались на кормежку на Шипишинском кордоне, где были устроены громадные навесы для лошадей, амбары с овсом и сеновалы. От Шипишинского кордона было ровно двадцать верст и до завода и до пристани, места по реке Шипишной были вообще нетронутые и довольно дикие, а для осенней охоты лучших, кажется, и не придумать. Когда-то здесь был громадный курень, растянувшийся на десять верст, а теперь все поросло громадным смешанным лесом...»

Содержание

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Мизгирь

I

Осенью, когда от первого инея закисло лиственница, я с винтовкой отправился на кордон при горной речонке Шипишной, чтобы провести несколько дней на одной из лучших охот. Шипишинский кордон поставлен был на полустанке между заводом Галчинским и пристанью Уралкой, куда лето и зиму везли железо и медь. Движение кладей усиливалось зимой, и транспорты останавливались на кормежку на Шипишинском кордоне, где были устроены громадные навесы для лошадей, амбары с овсом и сеновалы. От Шипишинского кордона было ровно двадцать верст и до завода и до пристани, места по реке Шипишной были вообще нетронутые и довольно дикие, а для осенней охоты лучших, кажется, и не придумать. Когда-то здесь был громадный курень¹, растянувшийся на десять верст, а теперь все поросло громадным смешанным лесом.

Вид на самый кордон открывался с ближайшей горы. Он стоял на луговине, на самом берегу реки, которая вечно шумела по камням, пряталась в осоках и приречной поросли и

¹ Курень – здесь выжженное место в лесу.

разливалась тихими заводьями, где ее подпирали новые камни. Кругом кордон был обрамлен зеленой стеной куренных березняков: такие березы, высокие, ровные, стройные, как восковые свечи, вырастают только на куренных пожогах.

Собственно кордон состоял из громадной русской избы с громадной русской печью и громадными полатями. Транспорты приходили подвод по сту, и нужно было обогреть где-нибудь всех ямщиков, напоить их и накормить. Транспортные ямщики вообще пользовались плохой репутацией, особенно те, которые ездили и зиму и лето. Летних ямщиков называли почему-то «соловьями», и это название переходило от одного поколения ямщиков к другому, как клеймо самого отпетого народа. В осеннюю распутицу транспортов шло совсем мало, и на кордоне царили тишина и какая-то мертвая лесная лень. Без просыпу спал подручный кордонщик Пимка, молодой вороватый парень с красной затекшей шеей и припухшими глазами; без просыпу спала кордонная стряпка Настасья, здоровенная бабища, точно сшитая из подошвенной кожи; спали собаки, и только бодрствовал за всех сам кордонщик по прозвищу Мизгирь.

Это был тщедушный мужичонка, с сморщенным, маленьким лицом-кулачком и жиденкой бороденкой-мочалкой. Он вечно молчал и вечно что-нибудь промышлял по своему обширному хозяйству. Без дела я его никогда не видал: то он починивал какую-то сбрую, то рубил дрова, то поправлял что-нибудь у избы или на дворе. Он был из числа тех

суетливых людей, которые не могут сидеть без дела. Лично мне Мизгирь напоминал трудолюбивого муравья из какой-нибудь басни.

– Ты отчего же подручного не заставляешь работать, а все сам?

– А так... Пусть его отдохнет, – коротко ответит Мизгирь, постукивая топором.

– Почему тебя Мизгирем зовут?

– А ростом не вышел, вот и стал Мизгирь. Еще ребята прозвали, когда мальчонкой был...

Между прочим, на обязанности Мизгирия лежало охранение лесов на десять верст в окружности. Это уже так, между делом, для того, чтобы в заводских отчетах не оставалось пустой графы о лесном кордоне. Эта мудрая заводская экономия, впрочем, ничего не стоила и Мизгирию, потому что оберегать лес было не от кого: кому его нужно в этом глухом медвежьем углу? Но Мизгирь все-таки считал своей обязанностью каждую неделю обходить какой-нибудь участок из своих обширных владений, вероятно, главным образом потому, что любил природу и был поэтом в душе. Среди простого народа таких поэтов достаточное количество, и, вероятно, им обязано происхождение народных песен.

Характеристика Мизгирия была бы неполной, если бы я не прибавил описание собаки Мучки, сопровождавшей своего хозяина по пятам. Это была не охотничья собака в собственном смысле слова и не дворняга в тесном, а промысловая,

одно из тех удивительных созданий, которые только не говорят. В характере специально охотничьих собак и в каждом их движении на меня производит всегда неприятное впечатление что-то лакейское, приниженное и вороватое, тогда как в промысловой собаке сохранились деловая серьезность и сознание своего собачьего достоинства. Такая собака не будет облаивать зря каждого встречного, не будет и ласкаться без пути или соваться без всякого толку, опять-таки потому, что у нее есть свое главное дело; хозяйина она стережет тоже умненько, как и ласкается. Мучка меня приводила в восторг своим тактом, выдержкой и солидностью. И масть у нее была какая-то необыкновенная: настоящий волк, если бы не задранный кольцом хвост. По происхождению Мучка принадлежала к вогульским ланкам, и этот тип промысловой собаки выработался, вероятно, не одной сотней лет. Нужно было видеть Мучку на охоте, чтобы вполне оценить ее редкие качества. Мое появление с ружьем всегда производило в душе Мучки мучительную раздвоенность: своим собачьим сердцем она принадлежала Мизгирю, а охотничий инстинкт толкал ее ко мне.

Нужно было видеть собаку, когда мы отправлялись на охоту. Мизгирь всегда сопровождал меня, хотя и никогда не стрелял. Я подозреваю, что он и ходил со мной только для того, чтобы потешить собаку. Мучка сама вела в лес и понимала каждое движение. Глаза ее блестели, движения принимали неувловимую грацию, какую породистому животному

придает «кровь», и только время от времени она какими-то виноватыми глазами смотрела на хозяина, точно извинялась за свое охотничье опьянение.

– Ну, побалуй... – говорил Мизгирь. – Ишь воззрилась!..

– Отчего ты не заведешь себе ружья? – несколько раз спрашивал я у Мизгирия. – Сколько бы добыл себе дичи...

– Не люблю, – коротко отвечал Мизгирь.

– Да отчего не любишь?

– А так... неподходящее дело.

Сколько я ни добивался более обстоятельного ответа, но ничего не мог выпытать.

В своей даче Мизгирь знал каждый уголок, каждое дерево, каждый камень и мог пройти ее из конца в конец с завязанными глазами. Вообще в нем было много качеств настоящего лесника, начиная с необычайной способности ориентироваться. Он с точностью настоящего хозяина знал, где, какие и сколько выводков, куда они выходят пастись, какие перемены произошли в их составе и т. д.

– Агроматных три петуха под Ереминым Верхом на листовнях кормятся, – сообщил он. – По саре так и поговаривают. С кордона слышно, как они бормочут.

Закисшая листовница – любимое кушанье глухаря. Сначала птица садится на дерево кормиться только по зарям, а лотом – и днем. Когда стоит слишком ясная погода или дует ветер, глухарь «сторожит», и к нему без собаки подойти на выстрел в такую строгую минуту почти невозможно. Лучшее

время охоты – те серые осенние дни, когда с утра начинается «могросить». С собакой охота облегчается во много раз, особенно с такой, как Мучка. Она сама отыскивала глухаря не «по поеди», как другие собаки, не лаяла слишком громко и не прыгала на дерево, а выводила верхним чутьем. Глухарь в пернатом царстве напоминает какой-то дубоватой простотой медведя. В обыкновенное время очень чуткая и сторожкая птица, за исключением периода весеннего токования, на лиственнице он делается совсем глупым, особенно, когда завидит собаку. Не нужно было даже говорить, кого облаивала Мучка: она так выразительно тьякала раза два – три и делала выжидательную паузу, давая время подойти. Заслышав наши шаги, она снова начинала лаять, чтобы отвлечь внимание глупой птицы на себя. Одним словом, удивительная собака. Всего интереснее был момент, когда подкрадывание к птице кончалось и я взводил курок винтовки. Мизгирь затыкал уши пальцами и закрывал глаза, как слабонервная девица. Когда раздавался выстрел, он вздрагивал и как-то испуганно глядел на лиственницу, где сидел глухарь. К убитой птице он совсем не подходил.

– Боишься выстрела? – спрашивал я его.

– Нет... Крови боюсь, – отвечал он, закрывая глаза и съезжая свои почти детские плечи. – Страшно!.. Не могу... Сердце так и зайдет.

Нужно заметить, что прелесть осенней охоты на глухарей не в количестве убитой птицы, а в грустной поэзии умира-

ющего леса, расцвеченного последними красками. Трудно сравнить с чем-нибудь то чувство, которое охватывает вас, когда вы бродите по лесу такой осенью. Под ногами как-то по-мертвому шуршит облетелый лист, трава тоже сухая и жесткая, как волос, а зато какими яркими цветами играют березняки и осинники, точно обрызганные золотом и кровью! Воздух напоен тем особенным горьковатым ароматом, какой дает палый лист; осенний крепкий холодок заставляет вздрагивать, дышится легко, и вы переживаете то состояние приятного опьянения, какое производит дорогое старое вино. Самая усталость не гнетет, а только сулит крепкий сон, отличный аппетит и какую-то необъяснимую полноту существования.

II

Раз вечером, когда мы возвращались с охоты, издали еще можно было разглядеть приваливавший к кордону транспорт. На полянке перед воротами стояли десятки роспусков, нагруженных железом. Погода стояла хорошая, и заводоуправление воспользовалось ею, чтобы отправить с Уралки осенний караван. У ворот нас встретил подручный Пимка, почесывавший затылок.

– Целое гнездо «соловьев» слетелось, – проговорил он. – Ночевать остались, галманы.

– Ну и пусть ночуют, – покорно согласился Мизгирь, при-

бавляя шагу. – Надо овса отпустить... сена...

– Пусть кони-то сперва выстоятся...

У Настасьи уже топилась печь для «соловьев»: надо было готовить ужин. В воротах мы встретили плечистого и загорелого «соловья», известного под именем Волк. Он вышел из избы покурить на свежем воздухе коротенькую трубочку. Настасья не любила, когда «соловьи» курили табак в избе, и немилосердно их гнала на улицу даже в клящий мороз.

– А, Мизгирь... – лениво протянул Волк, презрительно оглядывая тщедушную фигурку кордонщика. – Веселенько ли прыгаешь?..

Мизгирь только сморщился и ничего не ответил. Он вообще не выносил «соловьев» с их грубыми шуточками и нахальством. Всех «соловьев» набралось больше десяти, и ночлег был испорчен. Обыкновенно ночевать на кордоне составляло одно удовольствие: Настасья содержала избу необыкновенно чисто и постоянно выгоняла спать Пимку куда-нибудь на сарай, так что даже Мизгирь заступался за своего подручного.

– Только дух в избе портит, – объясняла Настасья с обычной своей суровостью. – Мучка спит же на дворе, ну и Пимка тоже... Неважное кушанье...

Будь лето, и я предпочел бы выспаться где-нибудь на сеновале, но в сентябре на Урале ночи настолько холодные, что об этом нечего было и думать. А в избе сейчас набилось человек десять народа, и можно представить, какой стоял там

воздух. Когда мы вошли в избу, на столе стоял ведерный самовар, а около него разместились вспотевшие, красные ямщицьи физиономии. Народ был все рослый, могучий.

– Эй, ты, святая душа на костылях! – крикнул кто-то на Мизгиря. – Куда запропастился?.. Пора коням задавать овса...

– А ты не ори, – ворчал Мизгирь. – Все будет...

– Ах, ты, Мизгирь... Настасья, и не нашла же ты себе хуже в мужья! Разве это человек: взять двумя пальцами и раздавить, как клопа.

– И то замаялась я с ним, – отозвалась Настасья. – Только званье, что мужик, а какой в нем прок: комар комаром.

– Как же это ты, Настенька, этакая корпусная женщина, и вдруг за Мизгиря изгадала? Тебе бы, по-настоящему, какого мужа надо: ратника, одним словом. Тоже вашу сестру, бабу, вдругорядь и поучить надо, а ты зашибешь сама своего Мизгиря.

– Так уж, враг попутал, – отшучивалась Настасья, привыкшая к подобным разговорам. – Будто пожалела я его, а он меня и обманул... Ошибочка маленькая вышла.

Напившись чаю, я отправился на полати, где вповалку спало потомство Мизгиря. У него почти каждый год рождался ребенок, но в живых оставалось всего человек пять. Старшему мальчику было уже лет восемь, а остальные – мелюзга. Дети ростом напоминали мать; все были такие же крепыши, и Мизгирь пестовал их с трогательной нежностью. Вся

эта белоголовая детвора теперь уже спала мертвым детским сном. Я долго лежал, прислушиваясь к галденью «соловьев». В избе оставались всего трое, да пришел еще с улицы Волк, поместившийся на приступке у печки. Мизгирь сидел на лавке, скрестив по-детски свои голые ноги. Рядом с ним сидел Пимка и вышучивал Настасью вместе с другими.

– Удивительное это дело, братцы, – говорил Пимка, ухмыляясь. – Как это только по осени первый транспорт прошел, так у нас новый ребенок. Точно вот ветром дунет... Ок-казия!

Ответом послужил громкий хохот «соловьев».

– Уж Пимка, тоже и вырежет штучку!.. Как, говоришь, пройдет транспорт, так и ребенок? О-хо-хо...

– Правильно, – подтвердил Пимка, встряхивая своей беспутной головой. – Я так ребят и считаю осенями, по первому транспорту.

Мизгирь сидел на лавочке и как-то жалобно улыбался, склонив голову немного набок, Настасья сердито ворочала какие-то горшки в печи.

– Ай, Пимка, ай, прокурат!..

– И давно это примечаю я, братцы, что ребята у нас ростом-то в транспортных.

– Слышь, Настасья?! О-хо-хо...

– Не вашего ума это дело! – огрызалась Настасья. – Тоже нашли над чем измываться... Охальники! Ты что это и впрямь, Пимка, зубы-то моешь? Я вот возьму ухват, да как

примусь тебя обихаживать: только стружки полетят.

Не выйди из себя Настасья, все обошлось бы обычными шуточками, но она как-то сразу потеряла равновесие и ввязалась в разговор с настоящим бабьим азартом. Пимка тоже бы отстал, если бы бабья угроза не задела его мужицкой гордости.

– Что, Пимка, испужался? – поддразнивал Волк, лениво сплевывая в сторону. – Небось, не первый уж ухват Настасья ломает об тебя. Ты его, пса, хорошенько, Настенька!..

– Меня? – пробовал отшутиться Пимка. – Ну, еще мои-то ухваты в лесу не выросли... Ты, Волчище, не заедай: слышит кошка, чье мясо съела.

Эта выходка окончательно взорвала всех, так что сидевшие за столом ямщики покатались со смеху. Поощренный общим хохотом, Пимка разошелся окончательно и прибавил:

– То-то сижу я как-то вот этак под вечер, значит, летом, а ребятенки на дороге играют... Играли-играли, а потом присели в канавку, да как по-волчьи взвоют...

Это был каламбур на прозвище «Волк», и вся изба точно вздрогнула от общего хохота, так что даже Волк смутился, не зная, что ответить охальнику Пимке. Со двора пришли остальные ямщики и тоже хохотали. Чтобы поддержать общее настроение, Волк подошел к Настасье и облапил ее.

– Ну, что, Настенька, греха таить... Было дело...

Это уж окончательно взорвало Настасью, но она по необъ-

яснимой бабьей логике накинута не на Пимку или Волка, а на своего безответного мужа.

– Ты это что молчишь-то, плесень?.. А? – заголосила она «неточным» голосом. – Тут целая изба мужиков галится над женщиной, а он хоть бы слово пикнул!.. Какой ты мне муж после этого?.. Другой бы мужик разве дал свою бабу на сгал? А тебе, идолу, все одно... Ох, согрешила я с тобой!..

– Да ведь это все Пимка... – попробовал оправдываться Мизгирь, жалко моргая глазами. – Ты чего на меня-то лезешь?..

– Плесень гнилая! Тоже и скажет: Пимка! У Пимки в глазах стыда-то и не бывало сроду... А ты венчаный муж... Да другой мужик убил бы на месте, кабы тронули бабу-то.

За этим коротеньким супружеским диалогом последовало уже совершенно неожиданное заключение: Настасья схватила ухват и бросилась с ним на несчастного Мизгирия, который как-то по-детски закрыл голову руками и только старался, чтобы ухват попадал по спине. Все ямщики заливались хохотом, подливая масла в огонь.

– Дуй его, Настенька! Катай!.. Да ты по морде его, в скулу! Еще разок...

Эти крики, ямщичий хохот и полное нежелание даже защищаться со стороны мужа привели Настасью в дикое бешенство, и, бросив ухват, она вцепилась в мужа, как кошка. Мизгирь как-то жалко пискнул, как придавленный котенок, и покатился с лавки на пол. Тут уж вступился кто-то из ям-

щиков и оттащил ополоумевшую бабу.

– Настасья, брось!.. Будет дурить!..

Настасья посмотрела кругом остановившимися дикими глазами, хотела что-то сказать, но только махнула рукой и с причитаниями и воем бросилась в угол. Мизгирь, избитый и окровавленный, медленно поднялся с полу и медленно обвел глазами стоявших «соловьев». Он, очевидно, отыскивал Пимку, но тот во время свалки благоразумно успел выско-чить eo двор.

– На-ка, испей водицы, – предложил кто-то из ямщиков Мизгирию, подавая ковш с водой. – Этакую бабу да убить мало! То-то стерва...

Недавнее желание травить несчастного Мизгирия сменилось теперь общей жалостью, потому что «разве можно так увечить законного мужа, да еще на людях». Одним словом, поднялся весь порядок законных мужских чувств и мужской гордости. Настасья это чувствовала и не вылезала из своего угла, продолжая горько рыдать.

– Вот ты и рассуди бабу: кругом виновата и сама же ревет, как корова! – резонировал «соловей», отпаивавший Мизгирия водой. – Хороший бы муж, значит, который мужик вполне, да он бы на мелкие части ее разорвал... Да он бы ее изволочил всю... Ногами бы истоптал... Вышиб бы дурь из головы...

– Оставь... – с какой-то большой кротостью остановил его Мизгирь. – Промежду мужем да женой один бог судья.

- В ногах бы она валялась у настоящего мужика... Да! Как змея бы ползала, а не то, чтобы дурь свою показывать...
- Говорю: оставь, – упрасивал Мизгирь.
- Эх, ты, горе лыковое! Говорить-то с тобой по-настоящему не стоит...

III

Мне не случалось обращать внимания на семейную жизнь Мизгирия, а рассказанный выше случай открыл многое такое, о чем посторонний человек мог только догадываться. Это была мужицкая «не пара» со всеми признаками внутреннего семейного разлада. Происходившая на моих глазах дикая сцена служила только выражением внутренней розни. Одним словом, Мизгирь меня заинтересовал, как муж-неудачник, каких немало, но здесь все происходило на подкладке мужицкой жизни.

На кордоне меня задержал выпавший ночью снег. Случилось это совершенно неожиданно. Погода стояла хорошая, хотя и с крепким осенним холодком; небо было чистое, безоблачное; ветер дул не из «гнилого угла», как Мизгирь называл северо-восток, а с полудня. Одним словом, все приметы обещали хорошую погоду. Но, когда утром проснулись «соловьи», все было покрыто снежной пеленой в четверть. Такой глубокий снег на Среднем Урале выпадает в первых числах сентября очень редко, а я видел его в первый раз.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... – ворчал Волк, надевая онучи. – На санях теперь в самую пору.

Положение транспорта, застигнутого снегом на половине дороги, было критическое. Упавший на сухую землю снег на-вертывался на колеса, как войлок, но не сидеть же из-за него на кордоне. «Соловьи» перебрали весь лексикон своих крепких слов и тронулись в путь только часов в девять. Мизгирь проводил их, стоя за воротами. Он жалел несчастных лошадей, вытягивавших тяжелые возы из последних сил...

– Забьется богова скотинка, – проговорил он вслух.

Я предполагал вернуться домой, но очень уж хорошо теперь было в лесу, особенно в чернолесье, где еще не спал осенний лист. Березы, рябины, черемухи и осины просто гнулись под тяжестью снежных хлопьев. Картина была единственная, особенно там, где с мертвой белизной снега контрастировала сохранившаяся листва: осинники точно были обрызганы кровью, которая резала глаза на белом снежном фоне. Я смотрел и не мог достаточно налюбоваться – так было все оригинально-хорошо.

– Премудрость божия, – объяснил Мизгирь, любовно оглядывая засыпанную снегом картину. – К урожаю ранний-то снег... В горах-то у нас, конечно, не займутся хлебом, а по крестьянам идет поверье. Крестьяне-то не чета нашим заводским: у них все по-божески.

– А что, пойдем сегодня на охоту?

Мизгирь точно смутился. Помявшись немного, он при-

знался, что ему жаль молодых, которые еще в первый раз увидели снег.

– Тварь, а тоже чувствует, – объяснил он, увлекаясь темой. – Ножки-то на снегу зябнут, ну, они все по деревьям, как курицы.

– Чего же тебе жаль?

– А как же: смиренные они теперь, хошь руками бери. Потому чувствуют свою неустойку... Которая птица нонешнего лета, так ее уж сразу видно.

– Я молодых не буду стрелять...

– Старых петухов, пожалуй, и можно, потому как хороший хозяин держит и дома петуха всего три года...

На этом мы и согласились. Мизгирь повел в лес, и мы скоро разыскали несколько выводков. Мучка, конечно, шла за нами, но не облаивала птицу, а только подавала убитую.

Увлечшись охотой, мы незаметно ушли верст за пять, так что вернулись домой только к вечеру. Настасья за день успела, видимо, одуматься и конфузливо повертывалась к мужу спиной.

– Что, стыдно, небось, роже-то? – корил Мизгирь. – Каку моду придумала... Да еще по рылу норовит!

– Мужики проклятушие меня подождгли, – сурово оправдывалась Настасья. – А ты молчишь, как пень березовый.

– А того ты не подумала, кто я тебе?

– Известно, кто: муж.

– То-то вот и есть... Закону не понимаешь. Ты думаешь,

я бы тебя не одолел, кабы на то пошло? Думаешь, большая мудрость человека ухватом обихаживать? Своих глаз не стыдно, так постыдилась бы чужих...

Настасья терпеливо сносила эту добродушную воркотню, пока в избу не вошел Пимка. Картина сразу переменилась.

– Да ты что пристал-то ко мне, смола? – накинулась она на мужа. – Без тебя знаю, где моя неустойка... Ежели бы ты был настоящий мужик, как прочие люди, а то вся-то тебе красная цена: недоносок.

Пимка не вступался в разговор, но его присутствие, видимо, раздражало Настасью. Мизгирь тоже как-то весь съежился и сразу замолчал. В этой сцене было что-то недосказанное. По пути Настасья побила подвернувшуюся под руку девчонку, швырнула какой-то горшок и вообще обнаружила явные признаки сильного раздражения. Мизгирь забрался на печку и только вздыхал. Мужичья обида тяжела и ложится на душу камнем, не то что легкое господское горе, которое все наверху. Годами она вынашивается, годами накапливает, пока не прорвется каким-нибудь мужичьим случаем, большею частью из-за пустяков.

Утром на другой день я отправился домой. Меня вез на охотничьих пошевнях Пимка, а Мучка из вежливости провожала версты три. Хорошо было ехать по молодому снегу, не тронутому еще ни одним пятнышком. Лес стоял в снеговом покрове, как очарованный, точно в каком-то сказочном царстве. Небо как-то сразу потеряло все краски, побелело

по-зимнему, но яркий матовый свет заставлял жмуриться. Мохноногая лошадка бежала без понукания, легко и свободно, точно и она радовалась легкому зимнему пути. Пимка правил довольно небрежно и все насвистывал.

– Пимка, тебе не совестно? – спросил я.

– Это насчет третьеводнишнего, барин? – ответил он, поворачивая ко мне свое безбородое круглое лицо. – А я тут ни два, ни полтора... Грешат они промежду себя постоянно, можно сказать, без утиху грешат. Известно, дура эта Настасья, потому как видела, за кого замуж шла.

– Она не любит мужа?

– А кто его знает... Поедом ест, а Мизгирь молчит. Ну, она, обыкновенно, пуще злится... Кабы настоящий мужик был, так он бы ее по первому слову выворотил наскрозь.

– Зачем же ты беса подпускаешь?..

– Да так... Надоело мне на кордоне жить до смерти: лес кругом. Праздник придет, а ты не знаешь, куда деваться... Одуреешь от этакой жисти. Ну, «соловьи» приедут, все же на людях как будто и веселее...

Помолчав немного, Пимка опять повернулся ко мне и убежденно проговорил:

– Все-таки она его любит, значит, Настасья-то... Как-то он по весне разнемогся, так она ревмя ревет, а выздоровел – опять грешит.

– А ты давно живешь на кордоне?

– Да уж лет с десять будет. Полюбила собака палку – так

и я. Отбился от другой всякой работы, измотыжился. Вот погляжу еще с годок да в транспортные определюсь, барин. А что касаяемо Мизгиря, так ведь я не со зла шутку сшучу иной раз. Конечно, кабы настоящий он мужик, так тоже не посмел бы я озорничать-то...

Незадолго перед рождеством ко мне завернул Мизгирь. Он привез целый мешок с морожеными налимами, которых ловил в это время в своей речке Шипишной по каким-то ямам и омутам. Мизгирь вытряхивал мешок, и мерзлая рыба рассыпалась, как раздернутая связка кренделей. Налимы редко замерзают клином, как другая рыба, а непременно изовьются в разные фигуры. Можно мерзлого налима разломить, как сухарь. Но если такую мерзлую рыбу оттаять постепенно, то она оживает, и недавние мерзлые крендели начинают ползать по полу. Как мне рассказывали, положенные в пирог, они выползали из теста в печи. Последнего я не видал, а как они оживали на полу – наблюдал много раз. Не знаю, сколько времени может сохраняться эта живучесть, но во всяком случае она заслуживает внимания.

– Ну, что новенького, Мизгирь? – спрашивал я своего гостя.

– Да все то же, что и раньше... Волки ноне одолевают.

Мизгирь заметно похудел и выглядел еще меньше. Я предложил стаканчик водки, но он отказался.

– Не потребляю... Будет. И то грехов-то накопил достаточно...

– А здоровьем как?

– Ничего, слава богу. По весне меня прижало будто, а теперь ничего. Настасья наказала кланяться...

– Часто ссоритесь, или нет?

– Бывает... Карахтерная она у меня, а так ничего. Проворная баба, другой-то такой поискать...

Помолчав немного, он проговорил с какой-то детской улыбкой:

– Недавно она у меня прощения просила, значит, Настасья... Верно говорю.

– Опять, вероятно, побила тебя?

– Около этого... Только я ее-то, Настасьину драку, ни во что кладу: себя она не помнит, когда в карахтер свой войдет. Конечно, об стену головой тоже не бьется, все меня норовит благословить чем попадя... Это есть. А только и другое надо рассудить, барин; сегодня транспортные, завтра транспортные, – своим хозяйством другая-то баба едва управляется, а Настасья вон какую страсть воротит. Работа работой, а потом тут еще озорство да высмехи, а бабье сердце тут и есть: вскипело и готово. Ежели бы нам так устроиться, чтобы не на людях, – другой совсем разговор. Конечно, привык я к лесу, обжился вот как, а все-таки думаю бросить кордон... Ну его совсем!

– Куда же ты думаешь?

– А в крестьяне уйду... В орде², сказывают, земли много

² Ордой заводские называют и Башкирию и казачьи земли Оренбургской гу-

пустует. Вот и уйду в орду... Хлеб буду сеять, хозяйство заведу, а по зимам в кузнице буду робить, потому как к этому делу я сызмала свычен. Непременно уйду... Надоело.

IV

Вскоре после этого визита Мизгиря разнеслась весть о разыгравшейся на Шипишинском кордоне драме. Дело случилось перед самым рождеством, когда приходил последний перед праздником транспорт железа из Галчинского завода на пристань Уралку. Разыгрался буран, и транспорт заночевал в кордоне. «Соловьи» разместились ночевать в избе, и в числе других уже знакомый мне Волк. Мизгирь с вечера еще обратил на себя внимание тем, что сам предложил лучшее место на лежанке у печки именно Волку. Улеглись спать и заснули мертвым ямщичьим сном. Но в глухую ночь все повскакали от неистового крика Настасьи:

– Убил!.. Ой, батюшки, убил! – голосила она в темноте благим матом.

Когда зажгли огонь, представилась ужасная картина: на лежанке у печки лежал ямщик с отрубленной головой, а Мизгирь спокойно сидел в уголке у двери и даже улыбался. Убитым оказался какой-то Спиридон Немтырь: у каждого «соловья» была своя кличка в артели.

– Это я убил... вяжите... – спокойно заявил Мизгирь.

Его, конечно, сейчас же принялись вязать, и тут только выяснилась роковая ошибка: Мизгирь хотел убить Волка, а по ошибке убил Немтыря. Случилось это потому, что Волк ночью выходил на двор посмотреть лошадей, а Немтырь, спавший на полу, захотел пошутить и занял его теплое место у печки, да сейчас же и заснул мертвым сном. Вернувшись в избу, Волк нашел свое место занятым и спокойно улегся спать на полу. Можно себе представить изумление Мизгиря, когда к нему с веревкой в руках подошел тот самый Волк, которого он считал убитым. Это была ужасная минута. Мизгирь бросился на Волка, как кошка, и вцепился в него зубами, но тот одной рукой поднял его на воздух и связал, как бабы пеленают ребят. Только тут обессиленный Мизгирь окончательно пришел в себя и заплакал.

Всего удивительнее в этой драме было то, что убийцей явился Мизгирь, тот самый Мизгирь, который не мог зарезать курицы и не выносил вида крови. Ямщики так бы и проспали до утра, не услышав ничего, если бы не проснулась Настасья, разбуженная ударом топора. Мизгирь рубил предполагаемого Волка со всего плеча и в темноте несколько раз промахнулся. Настасья в темноте не разглядела, кто и кого рубит.

Дальше все пошло обычным путем. «Пригнал» урядник и произвел полицейское дознание, потом явился следователь и произвел следствие, а затем Мизгирь был препровожден в тюрьму для предварительного заключения. Я постарался

увидеть следователя и расспросил о подробностях дела.

– Психопат какой-то, – объяснил представитель Фемиды: – хотел убить одного, а убил другого... В моей практике это третий случай. Если что интересно в этом деле, так это его романическая подкладка. Свидетельскими показаниями установлен факт, что единственный мотив – ревность... В моей практике таких случаев десятки. А в сущности, самое глупое дело, и, собственно, следователю тут почти делать нечего. Все как на ладони, да и убивец дает чистосердечное показание.

Как оказалось потом, следователь слишком уж положился на свою опытность: дело оказалось совсем не простым.

В Галчинский завод через два месяца выезжала сессия...ского окружного суда. Дел было достаточно, так что дело Мизгиря дождалось своей очереди только через год. Я нарочно отправился в Галчинский завод, чтобы присутствовать на разбирательстве. Помещение для суда было маленькое, публики много, так что и судьи и присяжные обливались потом, а с одним присяжным сделалось дурно. Мизгирь на скамье подсудимых казался совсем мальчиком и меньше всего походил на убивца. Меня поразило лицо Мизгиря: точно оно выцвело в тюрьме – такое бледное, бледное, совсем восковое. На нем застыла торжественная покорность своей судьбе и не было даже тени неприятной арестантской рисовки. Он сидел целые часы совершенно неподвижно, стараясь не проронить ни одного слова. Мне казалось, что он все вре-

мя молился.

Самой интересной частью процесса, конечно, был допрос самого подсудимого и свидетелей.

– Признаете ли вы себя виновным, Сидор Парфенов? – спрашивал стереотипной формулой председатель.

– Мое дело... – глухо ответил Мизгирь, не шевельнувшись. – Враг попутал, ваше высокоблагородие. Не думал, что господь приведет на подсудимую скамью...

Затем он так же спокойно и с мельчайшими подробностями рассказал последовательный ход событий: как женился, как поселился на кордоне, как жил согласно с женой и как закралось в его душу первое подозрение. Мужичья ревность накоплялась годами, но он старался не верить самому себе и сдерживался. Жена часто взъедалась на него, даже била и срамила при других, но все это было пустяками перед ревностью, охватившей его года два назад. Транспортные не шли с ума, а тут еще Пимка «подзуживал» да поднимал на смех.

– А я все сумлевался... – рассказывал Мизгирь с своим трогательным спокойствием, – все сумлевался, пока не увидел своими глазами...

Он тяжело замолчал, точно уперся в стену.

– Что же, вы были свидетелем неверности вашей жены? – спросил председатель, помогая ему перейти затруднение.

Мизгирь не понял вопроса, а когда ему предложили его в другой форме, махнул рукой.

– Зачем свидетелем?.. Не таковское дело, а тут совсем

другое. Старшему мальчонке, значит, Николке, девятый годок пошел. Ну, как-то гляжу я на него, а меня точно кто ножом полыхнул: вылитый Волк... Затрясло меня, в глазах все изменилось – смерть моя пришла. Гляжу на других ребят, и в них тоже вся Волчья кровь, а моего ничего. Тут меня и угрызло. День и ночь одно это думаю: сна лишился, еды не принимаю, а все думаю. Известно, ребята на глазах вертятся, а меня это еще пуще разнимает. Всю осень я так-то терпел, а потом и порешил кончить Волка... Раньше все обдумал, куда его положить, и топор припас. Ну, а тут уж моя неустойка вышла, что другой подвернулся в темноте.

Обдуманное намерение было налицо, и Мизгирь сам надевал себе петлю на шею; но он был рад поведать всем, что перестрадал, и ничего не утаивал.

Свидетелей набралось около десяти человек, все «соловьи», а затем Настасья и подручный Пимка. Из «соловьев» заинтересовал публику только один Волк, когда защитник Мизгиря начал допрашивать о его отношениях к Настасье.

– Вы находились в близких отношениях с ней?

– Известно, в близких... На что ближе: она нам стряпала, а мы ели. Тоже намаешься дорогой-то, особливо зимой, продрогнешь, а у Настасьи все уже готово, только пар идет...

– А вы не знаете, почему Парфенов хотел именно вас убить?..

– Это Мизгирь-то? Известно, не от ума...

Допрос Пимки тоже ничего не выяснил, потому что под-

ручный нес невозможную околесную и даже уверял, что Мизгирь раз «застал» Волка и Настасью вместе. Он перепутал данное показание на предварительном следствии и все старался оговорить Волка. Так от него и не добились правды, хотя Пимка должен был знать больше других.

Последней свидетельницей являлась Настасья. Она едва держалась на ногах. Когда пристав указал ей место, где стоять, Настасья перекрестилась и бухнулась ему в ноги.

– Мое дело, ваше высокоблагородие, – заговорила она торопливо, с своим решительным видом. – Кругом виновата по своей женской части, потому как спуталась с подручным... Из-за него и все дело вышло. Мой грех... А Волк тут ни при чем. Это Пимка придумал, чтобы прикрыться Волком, и травил мово мужа. И дети от Пимки... Ну, ему тоже совестно, вот он и удумал на Волка.

Произошла самая раздирательная сцена, когда Настасья повинилась в своем бабьем грехе. Она так разревелась, что председатель велел ее вывести.

После короткого совещания присяжные вынесли Мизгирю обвинительный приговор. Он выслушал его спокойно и перекрестился. Суд приговорил его в каторжные работы.

Последним словом этой мужицкой драмы было то, что Настасья изъявила неперемнное желание следовать за мужем и через полгода ушла в Сибирь за арестантской партией.